

А. П. Чехова и К. С. Станиславского. Антон Павлович Чехов, Константин Сергеевич Станиславский <http://chekhovanton.ru/> Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Приятного чтения!

Переписка А. П. Чехова и К. С. Станиславского. Антон Павлович Чехов, Константин Сергеевич Станиславский

Станиславский (настоящая фамилия – Алексеев) Константин Сергеевич (1863–1938) – артист и режиссер, один из основателей и директоров Московского Художественного театра, с 1936 года народный артист СССР. Поставил, в сотрудничестве с Вл. И. Немировичем-Данченко, все первые чеховские спектакли в МХТ, исполнял роли Тригорина в «Чайке», Астрова в «Дяде Ване», Вершинина в «Трех сестрах», Гаева в «Вишневом саде», Шабельского в «Иванове». Автор воспоминаний о Чехове: «А. П. Чехов в Московском Художественном театре» и главы в книге «Моя жизнь в искусстве».

Первая встреча Станиславского и Чехова состоялась в конце 1888 года. До возникновения Художественного театра они изредка встречались в театрах, на различных деловых заседаниях и юбилеях. С творчеством Чехова Станиславский по-настоящему начал знакомиться, когда, побуждаемый Немировичем-Данченко, взялся за постановку «Чайки». Пьесы, по собственному признанию, он тогда «не понимал». «И только во время работы, незаметно для себя... вжился и бессознательно полюбил ее» и «сделался восторженным поклонником» таланта Чехова (Станиславский, т. 5, с. 331, 335).

Побывав на репетициях пьесы, Чехов «быстро понял, как усиливает впечатление» режиссура Станиславского (Немирович-Данченко, т. 1, с. 154). В Художественном театре Чехов увидел себя... «вжился и бессознательно полюбил ее».

В процессе работы театра над двумя первыми чеховскими спектаклями драматург и режиссер практически не общались. Первые их письма друг к другу (сохранилось 17 писем Чехова к Станиславскому и 37 писем Станиславского к Чехову) не отражают сколько-нибудь важных моментов этой работы. Только при постановке «Трех сестер» переписка между Чеховым и Станиславским стала более регулярной. Хотя они и разошлись в видении отдельных сцен, в целом постановка «Трех сестер» в Художественном театре вызвала наибольшее удовлетворение у автора пьесы.

Несомненно родство Чехова и Станиславского в понимании назначения театра, в стремлении наполнить пьесу и спектакль большим жизненным содержанием, в неприятии «избитых театральных условностей», господствовавших в театре рутины и штампов. Говоря о своем месте в коллективной работе над чеховскими спектаклями, Станиславский по праву видел в себе «режиссера, способного передавать на сцене настроения поэта и раскрывать жизнь человеческого духа в его пьесах при посредстве своих мизансцен, определенной манеры актерской игры, новых достижений в области световых и звуковых эффектов» (Станиславский, т. 1, с. 235). Режиссер вместе с актерами смог уловить «чеховское настроение» и заразить им зрительный зал. Вместе с тем Чехов, как и Немирович-Данченко, не принимал в режиссуре Станиславского увлечения яркими формами внешней выразительности, в частности, разнообразными звуковыми и световыми сценическими средствами, в чем ему виделась подмена более тонких и сложных путей раскрытия авторского замысла.

Письма, посвященные последней пьесе, «Вишневому саду», отражают ту большую близость, «простые отношения», которые установились между Станиславским и Чеховым. Чехов посвящал Станиславского в ход работы над пьесой, а затем подробно обсуждал распределение ролей, особенности сценического решения. Он дает высокую оценку работе режиссера по художественному оформлению спектаклей («Насчет декораций не стесняйтесь, я подчиняюсь Вам, изумляюсь и обыкновенно сижу у Вас в театре разинув рот»). Особенно важную для него роль Лопухина Чехов хотел доверить Станиславскому, считая, что только он смог бы показать всю сложность этого образа.

Станиславский был потрясен пьесой, его письма о «Вишневом саде» наполнены «безумными восторгами». Но уже в первых письмах наметилось расхождение с настойчивыми указаниями автора: «Слышу, как Вы говорите: „Позвольте, да ведь это же фарс...“ Нет, для простого человека это трагедия». Чехову не суждено было дождаться настоящего успеха своей последней пьесы; спектакль принес ему огорчение и привел к суровому заключению: «...сгубил мне пьесу Станиславский...» Получается, таким образом, известный парадокс. Режиссерская индивидуальность Станиславского в первую очередь определила облик чеховских постановок

А. П. Чехова и К. С. Станиславского. Антон Павлович Чехов, Константин Сергеевич Станиславский шеф Художественного театра. Эта постановка стала классической, образцовой, они до сих пор остаются непревзойденными по своему воздействию на зрителей. Чехов же до конца так и не согласился с режиссерской и актерской трактовкой, своих пьес Станиславским, Многое, конечно, объясняется тем, что Чехов не имел возможности участвовать в репетициях своих пьес и об их постановке чаще всего мог судить по первым, несовершенным спектаклям. Но главное, уже через годы, объяснил сам Станиславский. В своей знаменитой книге, написанной почти через два десятилетия после смерти Чехова, когда чеховские спектакли Художественного театра давно выдержали испытание временем, он говорил о «неисчерпаемости» и «многоликости» Чехова, отнюдь не до конца освоенных в первых мхатовских постановках. «Вечно стремящийся вперед Чехов» обогнал, по его словам, развитие театра. Как завещание режиссерам и актерам будущего звучат в книге «Моя жизнь в искусстве» слова великого реформатора сцены: «...глава о Чехове еще не кончена, ее еще не прочли как следует, не вникли в ее сущность и преждевременно закрыли книгу. Пусть ее раскроют вновь, изучат и дочтут до конца» (Станиславский, т. 1, с. 277).

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ – ЧЕХОВУ
Декабрь (между 15 и 23) 1900 г. Москва
Глубокоуважаемый Антон Павлович!

Княгиня Софья Андреевна Толстая, поощряемая мужем, устраивает благотворительный концерт, в котором просит меня прочесть только что написанную Л. Н. Толстым повесть «Кто прав?». Не допуская в этом концерте чтения произведений современных авторов, кроме Ваших, княгиня, конечно, мечтает о сценах из «Трех сестер».

Покаюсь, я оробел в присутствии Льва Николаевича и не решился отказать ей в этой просьбе. Я сказал только, что не имею права, без Вашего разрешения, допустить чтение отрывков еще не исполненной на сцене пьесы.

Теперь вся надежда на Вас: не разрешайте!.. Или дайте что-нибудь вместо «Трех сестер». Ваша пьеса, в которую я с каждой репетицией все больше и больше влюбляюсь, до того цельна, что я бы не мог выбрать отдельной сцены для чтения на концертных подмостках в Благородном собрании. Представьте себе простые, жизненные разговоры двух, трех чтецов, одетых во фраки, среди громадной залы и перед декольтированной, светской публикой. Первое впечатление от пьесы при такой обстановке будет невыгодно, и, конечно, такого чтения допускать нельзя, пока пьеса не оценена публикой и печатью. Итак, ради бога, не разрешайте и найдите какой-нибудь другой выход. Меня же простите за то, что я поступил так неловко..

Оробел! Графиня ждет скорого ответа или даже телеграммы. 23-го декабря у нас состоится генеральная, очень черновая репетиция первых двух актов. Кажется, бог даст, пьеса пойдет недурно. Думаю, что будут хороши: Луженин, Вишневский, Артем, Грибунин, Москвин, жена, Мария Федоровна. Савицкая еще не отучилась от нытья. Ольга Леонардовна нашла прекрасный тон. Если займется им, будет играть прекрасно, если будет надеяться на вдохновение –? Мейерхольд еще не нашел настоящего тона и работает усиленно. Безусловно не подходят Громов и Судьбинин (даже как дублер). Шенберг юлит и понял, что просмотрел клад, так как роль Соленого – это действительно клад для актера. Вероятно, он будет играть его. Дублером же, вместо Судьбинина, разрешите попробовать Качалова. Он будет приятен и благороден, Судьбинин же не годится даже в денщики к Вершинину.

Актеры пьесой увлеклись, так как только теперь, придя на сцену, поняли ее.

Сегодня получили 3-й акт, и я приступаю к планировке. С нетерпением ждем 4-го акта. Не теряю надежды, что пьеса пойдет около 15 января, если не задержат инфлюэнцы, которые тормозят нам дело ужасно.

Декорация 1-го акта готова и, по-моему, удалась. На днях Симов кончает и 4-й акт; кажется, будет удачно. О Вас знаем только, что Вы в Ницце и, слава богу, здоровы.

Скучаете Вы или нет – неизвестно. Мы часто вспоминаем о Вас и удивляемся Вашей чуткости и знанию сцены (той новой сцены, о которой мы мечтаем).

Когда Наташа заговорила по-французски, Калужский несколько минут валялся по полу от смеха (успокойтесь, жена не шаржирует этого места). При обходе дома, ночью, Наташа тушит огни и ищет жуликов под мебелью – ничего?

А. П. Чехова и К. С. Станиславского. Антон Павлович Чехов, Константин Сергеевич Станиславский check
Уважающий, любящий и преданный Вам

К. Алексеев.

Поздравляем с наступающим праздником и желаем провести его весело. Будьте здоровы.

Ежегодник МХТ, с. 211–212; Станиславский, т. 7, с. 200–202,

ЧЕХОВ – К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

2(15) января 1901 г. Ницца 2 янв. 1901 г

Многоуважаемый Константин Сергеевич, Ваше письмо, посланное до 23 декабря, я получил только вчера. На конверте не было написано адреса, и письмо вышло из Москвы, судя по почтовому штемпелю, 25 декабря – так что, стало быть, причины запоздания были.

Поздравляю Вас с Новым годом, с новым счастьем и, если можно надеяться, с новым театром, который Вы скоро начнете строить. И желаю Вам штук пять новых великолепных пьес. Что касается старой пьесы «Трех сестер», то читать ее на графинином вечере нельзя ни в коем случае. Я умоляю Вас, ради создателя, не читайте, ни в каком случае, ни под каким видом, иначе причините мне немалое огорчение.

IV акт послан мною уже давно, до Рождества, на имя Владимира Ивановича. Я внес много перемен. Вы пишете, что в III акте Наташа при обходе дома, ночью, тушит огни и ищет жуликов под мебелью. Но, мне кажется, будет лучше, если она пройдет по сцене, по одной линии, ни на кого и ни на что не глядя, ю́́а леди Макбет, со свечой – этак короче и страшней.

Марию Петровну поздравляю с Новым годом и шлю ей сердечный привет и пожелание всего хорошего, главное – здоровья.

От всей души благодарю Вас за письмо, которое меня так порадовало. Крепко жму Вам руку.

Ваш А. Чехов.

ПССП, т. XIX, с. 7–8; Акад., т. 9, с. 170–171.

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ – ЧЕХОВУ

Январь 1901 г. Москва

Многоуважаемый Антон Павлович!

Конечно, я напутал. Наташа ищет жуликов не в третьем, а во втором акте. Концерт Толстой не состоится. Вы напрасно взволновались, так как я и писал-то письмо для того, чтобы найти более удобный способ отказать княгине в ее просьбе. Репетиции «Трех сестер» шли бы совсем успешно, если бы не инфлюэнцы и не мое сильное утомление или, вернее, переутомление. Могу с уверенностью сказать, что пьеса на сцене очень выигрывает, и если мы не добьемся для нее большого успеха, тогда нас надо сечь. Сегодня показана и прочитана планировка последнего, 4-го акта, и я сажусь за роль Вершинина. Если, бог даст, Ольге Леонардовне удастся 4-й акт, он будет очень силен. Декорация его готова, удалась. Судьбинин окончательно устранен, даже как дублер, так как у Качалова гораздо более данных. Соленого играет Шенберг.[1] До сегодняшнего дня упрямылся и пытался вести его в тоне какого-то калабрийского разбойника. Теперь я его убедил, и он на правильной дороге. Что сказать об исполнителях? Калужский (двигается, как всегда, медленно, но верно.

Поспеет приготовить роль). Мейерхольд работает, но жёсток по данным. Артем (немного туго двигается, но найдет тон, близок), Самарова (тоже), Грибунин (идеален), Родэ (весел, но играет самого себя), Тихомиров (тоже), Шенберг (рано говорить), Качалов (очень мил), Вишневский (идеален и не утрирует), Маруся[2] (будет хорошо играть), Мария Федоровна[3] (очень хороша), Савицкая (хороша, играет себя), Ольга Леонардовна (хворала, не видел со времени болезни).

Была генеральная репетиция 2-х первых актов и порадовала. Во всяком случае,

А. П. Чехова и К. С. Станиславского. Антон Павлович Чехов, Константин Сергеевич Станиславский check
пьеса чудесная и очень сценичная. Темпы распределяются или, вернее, выясняются так: 1 акт – весел, бодр. 2 " – чеховское настроение. 3 " – страшно нервен, быстро идет на темпе и нервах. К концу силы надрываются, и темп опускается. 4-й еще недостаточно определился.

Ольга Леонардовна обещалась подробно написать Вам о конце. Скажу в двух словах.

Монологи финальные сестер, после всего предыдущего, очень захватывают и умиротворяют. Если после них сделать вынос тела, получится конец совсем не умиротворяющий. У Вас написано: «вдали проносят тело», – но у нас нет дали в нашем театре, и сестры должны увидеть мертвеца. Что им делать? Как ни нравится мне тот пронос, но при репетиции начинаю думать, что для пьесы выгоднее закончить акт монологом. Может быть, Вы боитесь, что это слишком напомнит конец «Дяди Вани»? Разрешите этот вопрос: как поступить?

Ваш К. Алексеев.

Ежегодник МХТ, с. 213; Станиславский, т. 7, с. 204–205.

ЧЕХОВ – К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

15(28) января 1901 г. Ницца 15 янв. 1901

Многоуважаемый Константин Сергеевич, большое Вам спасибо за письмо. Конечно, Вы тысячу раз правы, тело Тузенбаха не следует показывать вовсе; я это сам чувствовал, когда писал, и говорил Вам об этом, если Вы помните. Что конец напомнил «Дядю Ваню» – это беда небольшая. Ведь «Дядя Ваня» моя пьеса, а не чужая, а когда напоминаешь в произведении самого себя, то говорят, что это так и нужно. Фразу «не угодно ль финик этот вам принять» Чебутыкин не говорит, а поет.

Это из оперетки, а из какой – не помню, хоть убейте. Справиться можно у архитектора Ф. О. Шехтеля, живущего в собственном доме, близ церкви Ермолая, на Садовой.

Большое Вам спасибо за то, что написали. Кланяюсь низко Марии Петровне и всем артистам, желаю всего хорошего. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов.

ПССП, т. XIX, с. 20; Акад., т. 9, с. 183.

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ – ЧЕХОВУ

20 октября 1903 г. Москва

Сейчас только прочел пьесу. [4] Потрясен, не могу опомниться. Нахожусь в небывалом восторге. Считаю пьесу лучшей из всего прекрасного, Вами написанного. Сердечно поздравляю гениального автора. Чувствую, ценю каждое слово. Благодарю за доставленное уже и предстоящее большое наслаждение. Будьте здоровы.

Алексеев.

Ежегодник МХТ, с. 223–224; Станиславский, т. 7, с. 265.

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ – ЧЕХОВУ

22 октября 1903 г. Москва

Дорогой Антон Павлович!

По-моему, «Вишневый сад» – это лучшая Ваша пьеса. Я полюбил ее даже больше милой «Чайки». Это не комедия, не фарс, как Вы писали, – это трагедия, какой бы исход к лучшей жизни Вы ни открывали в последнем акте. Впечатление огромное, и это достигнуто полутонами, нежными акварельными красками. В ней больше поэзии и лирики, сценичности; все роли, не исключая прохожего, – блестящи. Если бы мне предложили выбрать себе роль по вкусу, я бы запутался, до такой степени каждая из них манит к себе. Боюсь, что все это слишком тонко для публики. Она не скоро поймет все тонкости. Увы, сколько глупостей придется читать и слышать о пьесе.

Тем не менее успех будет огромный, так как пьеса забирает. Она до такой степени цельна, что из нее нельзя вычеркнуть слова. Может быть, я пристрастен, но я не

А. П. Чехова и К. С. Станиславского. Антон Павлович Чехов, Константин Сергеевич Станиславский check
нахожу никакого недостатка в пьесе. Есть один: она требует слишком больших и тонких актеров, чтоб обнаружить все ее красоты. Мы не сможем этого сделать. При первом чтении меня смутило одно обстоятельство: я сразу был захвачен и зажил пьесой. Этого не было ни с «Чайкой», ни с «Тремя сестрами». Я привык к смутным впечатлениям от первого чтения Ваших пьес. Вот почему я боялся, что при вторичном чтении пьеса не захватит меня. Куда тут!! Я плакал, как женщина, хотел, но не мог сдержаться. Слышу, как Вы говорите: «Позвольте, да ведь это же фарс»...

Нет, для простого человека это трагедия. Я ощущаю к этой пьесе особую нежность и любовь. Я почти не слышу критики, хотя актеры любят критиковать. На этот раз как-то все сразу подчинилось. Если же и раздастся голос критика, я улыбаюсь и не даю себе труда спорить. Я жалею критикующего. Кто-то сказал: самый лучший акт 4-й, а наименее удачный – это 2-й. Мне смешно, и я не спорю. Начинаю только припоминать сцену за сценой 2-го акта, и уже это лицо сбито с толку. 4-й акт хорош именно потому, что 2-й акт великолепен, и наоборот. Я объявляю эту пьесу вне конкурса и не подлежащей критике. Кто ее не понимает, тот дурак. Это – мое искреннее убеждение. Играть в ней я буду с восхищением все, и если бы было возможно, хотел бы переиграть все роли, не исключая милой Шарлотты. Спасибо Вам, дорогой Антон Павлович, за большое наслаждение, уже испытанное и предстоящее.

Как бы я хотел бросить все, освободиться от ярма Брута и целый день жить и заниматься «Вишневым садом». Противный Брут давит меня и высасывает из меня соки.

Я его еще более возненавидел после милого «Вишневого сада». Крепко жму Вашу руку и прошу не принимать меня за психопатку.

Любящий и преданный К. Алексеев.

Ежегодник МХТ, с. 224; Станиславский, т. 7, с. 265–266.

ЧЕХОВ – К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

30 октября 1903 г. Ялта 30 окт. 1903

Дорогой Константин Сергеевич, большое Вам спасибо за письмо, спасибо и за телеграмму. [5] Для меня письма теперь очень дороги, потому что, во-первых, я сижу один-одинешенек и, во-вторых, пьесу я послал три недели назад, письмо же получил только вчера от Вас, и если бы не жена, то я ровно бы ничего не знал и мог бы предполагать все, что только бы в голову мне полезло. Когда я писал Лопахина, то думалось мне, что это Ваша роль. Если она Вам почему-либо не улыбается, то возьмите Гаева. Лопахин, правда, купец, но порядочный человек во всех смыслах, держаться он должен вполне благопристойно, интеллигентно, не мелко, без фокусов, и мне вот казалось, что эта роль, центральная в пьесе, вышла бы у Вас блестяще.

Если возьмете Гаева, то Лопахина отдайте Вишневному. Это будет не художественный Лопахин, но зато не мелкий. Лужский будет в этой роли холодным иностранцем, Леонидов делает кулачка. При выборе актера для этой роли не надо упускать из виду, что Лопахина любила Варя, серьезная и религиозная девица; кулачка бы она не полюбила. [6]

Мне очень хочется в Москву, да вот не знаю, как мне выбраться отсюда. Становится холодно, а я почти не выхожу, отвык от воздуха, кашляю. Боюсь не Москвы, не поездки, а того, что мне придется просидеть в Севастополе от 2 часов до 8 – притом в скучнейшей компании.

Напишите, какую роль Вы возьмете. Жена писала, что Москвин хочет играть Епиходова. Что ж, это очень хорошо, пьеса только выиграет от этого.

Нижайший поклон и привет Марии Петровне, желаю ей и Вам всего самого лучшего.

Будьте здоровы и веселы.

Я ведь еще не видел «На дне», «Столпов» [7] и «Юлия Цезаря». Очень хочется посмотреть.

Ваш А. Чехов.

А. П. Чехова и К. С. Станиславского. Антон Павлович Чехов, Константин Сергеевич Станиславский chekh

Не знаю, где Вы теперь живете, потому пишу в театр.

Письма, т. 4, с. 326–327 (с пропусками); ПССП, т. XX, с. 170; Акад., т. 11, с. 291–292.

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ – ЧЕХОВУ
31 октября 1903 г. Москва 31 окт. 903
Дорогой Антон Павлович!

Сейчас 1 1/2 часа ночи, все спят, а я вернулся домой после 18-го спектакля ненавистного мне «Цезаря». Захотелось написать Вам, но нашелся только этот листок бумаги. Простите, пишу на нем, чтобы не будить жену розысками бумаги.

Наконец с завтрашнего дня приступаем к Вашей пьесе. Мы и то непростительно потеряли целую неделю. До сих пор путаются в ролях. Сам я решил сделать так: учу и готовлю две роли – Лопахина и Гаева. Не могу сказать, какую роль хочу больше.

И та и другая чудесны и по душе. Правда, Лопахина боюсь. Говорят, что у меня не выходят купцы или, вернее, выходят театральными, придуманными... Лопахин, не правда ли, хороший малый – добродушный, но сильный. Он и вишневый сад купил как-то случайно и даже сконфузился потом. Пожалуй, он и напился поэтому. Гаев, по-моему, должен быть легкий, как и его сестра. Он даже не замечает, как говорит. Понимает это, когда уже все сказано. Для Гаева, кажется, нашел тон. Он выходит у меня даже аристократом, но немного чудаком.

Мы живем на новой квартире, чудесной, даже слишком хорошей и роскошной. Очень жаль мать, которую пришлось оставить у Красных ворот с сестрой. Мы, да и она сама, думали, что ей будет удобнее, а оказалось – нет. Два раза в неделю бывают сборища детей – один раз ради танцев (Манохин), в другой раз – лекции по естественной истории, тоже для детей. Это их очень забавляет. Жму Вашу руку и иду спать.

Ваш К. Алексеев.

Ежегодник МХТ, с. 225; Станиславский, т. 7, с. 266–267.

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ – ЧЕХОВУ
2 ноября 1903 г. Москва 2 нояб. 1903 г. Воскресенье
Вчера и третьего дня посылал такие же записочки.

Дорогой Антон Павлович!

Кажется, только сейчас нашел декорацию первого акта. Она очень трудна. Окна должны быть близко к авансцене, чтобы всей зале, и внизу и наверху, был виден вишневый сад; три двери; хочется, чтобы был виден хоть уголок комнаты Ани, светлой, девственной. Комната проходная, но надо, чтоб чувствовалось, что здесь (т. е. в детской) уютно, тепло и светло; комната заброшена, и чувствуется легкое опустошение. Кроме того, надо, чтобы декорация была удобна и с многими планировочными местами. Кажется, теперь удастся выразить все это. Помните, в прошлом году Симов показывал Вам макет, выработанный для тургеневской «Где тонко, там и рвется». Тогда мы решили, с Вашего одобрения, сохранить декорацию для последнего акта Вашей пьесы. Я смотрю на макет теперь и нахожу, что, с некоторыми изменениями, он очень подходящ (для 4 акта). Если Вы помните макет – нет ли у Вас каких возражений? Сейчас начался 3-й акт «Дяди Вани». Прием восторженный; 89-й спектакль, и сбор 1400 р., несмотря на то что вчера шли «Три сестры» (тоже Чехова). Итак, 140 р. Вы сегодня нажили. Это не важно. А знаете, что важно: только в нынешнем году публика Вас раскусила. Никогда не слушали так Ваши пьесы, как в этом году. Гробовая тишина. Ни одного кашля, несмотря на ужасную погоду. Бедный Василий Васильевич Калужский сегодня похоронил отца и вечером принужден играть. Пока он бодр и крепится.

Жму Вашу руку. Завтра постараюсь написать, если не очень измучаюсь после «Цезаря».

Сегодня играю 7-й день сряду. «Устал, Федор Ильич!» [8] любящий и преданный К.

А. П. Чехова и К. С. Станиславского. Антон Павлович Чехов, Константин Сергеевич Станиславский chekhov
Алексеев.

Сегодня в театре С. И. Мамонтов и Сулержицкий (опять вынырнул и появился, похудел, но бодр).

Ежегодник МХТ, с. 226–227; Станиславский, т. 7, с. 268–269.

ЧЕХОВ – К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

10 ноября 1903 г. Ялта 10 ноября 1903

Дорогой Константин Сергеевич, конечно, для III и IV актов можно одну декорацию, именно с передней и лестницей. Вообще, пожалуйста, насчет декораций не стесняйтесь, я подчиняюсь Вам, изумляюсь и обыкновенно сижу у Вас в театре разинув рот. Тут и разговоров быть не может; что Вы ни сделаете, все будет прекрасно, в сто раз лучше всего того, что я мог бы придумать.

Дуня и Епиходов при Лопяхине стоят, но не сидят. Лопяхин ведь держится свободно, барином, говорит прислуге ты, а она ему – вы.

Сергей Саввич поехал в Японию..[9] для «Русского листка»? Лучше бы он поехал на луну поискать там читателей «Русского листка», на земле их нет. Читали Вы его пьесы? Вот если бы он поехал в Японию для того, чтобы написать и издать книгу об Японии, то это было бы очень хорошо, это наполнило бы всю его жизнь.

Если я не еду до сих пор в Москву, то виновата в этом Ольга. Мы условились, что я не приеду, пока она меня не выпишет.

Крепко жму Вам руку, сердечно благодарю за письмо.

Ваш А. Чехов.

Я не видел еще «На дне», «Столпы общества» и «Юлия Цезаря». Значит, буду у Вас в театре толкаться каждый вечер.

Письма, т. 6, с. 333–334; Акад., т. 11, с. 302–303.

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ – ЧЕХОВУ

19 ноября 1903 г. Москва

Среда 19 нояб. 903.

Дорогой Антон Павлович!

Вчера опять не было времени написать. Был занят вторым актом и наконец кончил его. По-моему, получается очаровательный акт. Бог даст, декорация выйдет удачная.

Часовенка, овражек, заброшенное лесное кладбище среди маленького лесного оазиса в степи. Левая часть сцены и середина без всяких кулис – один горизонт и даль.

Это сделано одним сплошным полукруглым задником и пристановками для удаления его.

Вдали в одном месте блестит речка, видна усадьба на пригорке.

Телеграфные столбы и железнодорожный мост. Позвольте в одну из пауз пропустить поезд с дымочком. Это может отлично выйти. Перед закатом будет виден ненадолго город. К концу акта туман; особенно густо он будет подыматься из канавки на авансцену. Лягушачий концерт и коростель – в самом конце. Налево, на авансцене, – сенокос и маленькая копна, на которой и поведет сцену вся гуляющая компания. Это – для актеров, им это поможет жить ролями. Общий тон декорации – левитановский.

Природа – орловская и не южнее Курской губернии.

Теперь работа идет так: вчера и сегодня вел репетицию 1-го акта Владимир Иванович, а я писал следующие акты. Я еще не репетировал своей роли. Все еще колеблюсь относительно декорации 3-го – 4-го актов. Макет сделан и вышел очень

А. П. Чехова и К. С. Станиславского. Антон Павлович Чехов, Константин Сергеевич Станиславский check удачно: с настроением, и кроме того, зал расположен так, что всему театру будет виден. На авансцене что-то вроде боскетной при зале. Далее – лестница и библиардная. На стенах нарисованные окна. Для бала эта декорация удобнее. Однако какой-то голос шепчет мне все время, что при одной декорации, измененной в 4-м акте, спектакль будет легче, уютнее. На этих днях надо решать.

Погода, увы, убийственная. Все опять стаяло, и часто идет дождь.

Ваш К. Алексеев.

Ежегодник МХТ, с. 231; Станиславский, т. 7, с. 274–275.

ЧЕХОВ – К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

23 ноября 1903 г. Ялта 23 ноября 1903

Дорогой Константин Сергеевич, сенокос бывает обыкновенно 20–25 июня, в это время коростель, кажется, уже не кричит, лягушки тоже уже умолкают к этому времени. Кричит только иволга. Кладбища нет, оно было очень давно. Две-три плиты, лежащие беспорядочно, – вот и все, что осталось. Мост – это очень хорошо. Если поезд можно показать без шума, без единого звука, то – валяйте. Я не против того, чтобы в III и IV акт. была одна декорация; было бы только удобно в IV акте выходить и входить.

Жду не дожусь дня и часа, когда наконец жена моя разрешит мне приехать. Я уже начинаю подозревать жену, не хитрит ли она, чего доброго.

Погода здесь тихая, теплая, изумительная, но как вспомнишь про Москву, про сандуновские бани, то вся эта прелесть становится скучной, ни к чему не нужной.

Я сижу у себя в кабинете и все поглядываю на телефон. По телефону мне передаются телеграммы, и я вот жду каждую минуту, что меня позовут наконец в Москву.

Крепко жму руку, до земли кланяюсь Вам за письмо. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов.

Письма, т. 6, с. 336; Акад., т. 11, с. 312.

Примечания

1

А. А. Санин (Шенберг) на нескольких репетициях пробовался на роль Соленого, однако в спектакле эту роль исполнял М. А. Громов.

2

М. П. Лилина.

3

М. Ф. Андреева.

4

«Вишневый сад».

5

21 октября Станиславский телеграфировал: «Чтение пьесы труппе состоялось.

Исключительный, блестящий успех. Слушатели захвачены с первого акта. Каждая тонкость оценена. Плакали в последнем акте. Жена в большом восторге, как и все.

Ни одна пьеса еще не была принята так единодушно восторженно» (Станиславский, т. 7, с. 266). 2 Станиславский отвечал 3–4 ноября: «Даю Вам клятву, что я люблю все роли в пьесе и держусь исключительно одной точки зрения при распределении ролей: как будет выгоднее для пьесы, как показать публике прелесть каждой роли. Лопахин мне очень нравится, я буду играть его с восхищением, но я боюсь, пока не нахожу

А. П. Чехова и К. С. Станиславского. Антон Павлович Чехов, Константин Сергеевич Станиславский чекн в себе нужного тона. Ищу же я его упорно и с большим интересом. В том-то и трудность, что Лопахин не простой купец с резкими и характерными его очертаниями.

Я его вижу именно таким, как Вы его характеризуете в своем письме. Надо очень владеть тоном, чтобы слегка окрасить лицо бытовым тоном. У меня же пока выходит Константин Сергеевич, старающийся быть добродушным. Из письма Вашего я чувствую, что Вам хочется, чтоб эту роль играл я. Очень горжусь этим и буду искать в себе Лопахина с удвоенной энергией. Вот Лопахина – Вишневого никак не представляю.

Так, как он есть, он ни с какой стороны не подходит... Когда же Вишевский пытается быть характерным, это ужасное ломанье. Я чувствую, как он будет пользоваться не мягкими чертами Лопахина, а грубыми, но эффектными для публики.

О Вишевском был разговор и раньше, но я до сих пор не представляю себе такого Лопахина. Леонидова представляю: он сам мягкий и нежный по природе, крупная фигура, хороший темперамент. Казалось бы, все данные. Одно страшно: он не всегда бывает прост на сцене. Иногда сказывается актерщина в тоне» (там же, с. 269–270).

6

Роль Лопахина в первой постановке «Вишневого сада» исполнял Л. М. Леонидов.

7

«Столпы общества» Г. Ибсена; премьера спектакля в МХТ состоялась 24 февраля 1903 г.

8

Фраза, которую произносит Кулыгин в «Трех сестрах» (д. 1).

9 О поездке С. С. Мамонтова в Японию в качестве специального корреспондента Станиславский писал Чехову 5 ноября 1903 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!